

Единственное, что напоминает сегодня об одном из самых больших петербургских кладбищ, — это название Митрофаниевского шоссе, которое берет начало у Балтийского вокзала. Возникновение **Митрофаниевского кладбища** связано с эпидемией холеры, разразившейся в Петербурге летом 1831 г. Почти за год до этого, когда болезнь впервые появилась в южных пределах России, в столице был образован специальный медицинский совет, который занялся разработкой мер по борьбе с надвигающимся бедствием. Распространения заразы опасались не только от больных, но и от умерших, поэтому священникам всех приходских церквей были сообщены специальные правила погребения. Места для них велено было отводить отдельно от городских кладбищ, их огораживали, и доступ к ним запрещался. Холерные кладбища подчинялись не церкви, как все остальные, а городской полиции, которая сама записывала погребаемых. Священников на таких кладбищах, как правило, не было, отпеваний и панихид не совершалось. Как писали в то время, «от болезни холеры многие умерли без надлежащего напутствования в жизнь вечную»²⁸.

Одно из холерных кладбищ появилось на южной окраине Петербурга, близ деревни Тентелевка. После окончания эпидемии мещанка Феврония Комаровская,

похоронившая здесь своих родных, стала хлопотать о постройке церкви и собирать для этого средства. В 1835 г. митрополит Серафим благословил это начинание, а власти разрешили «учредить в смежности с холерным обыкновенное городское кладбище»²⁹. Прошло всего пять месяцев, и небольшая деревянная церковь была освящена **во имя** новопрославленного святого Митрофана Воронежского. Такая быстрота объяснялась тем, что на кладбище перенесли старую церковь Измайловского полка, для которого был освящен новый величественный собор³⁰.

Первым церковным старостой стал известный табачный фабрикант В. Г. Жуков. На свои средства он проложил к кладбищу дорогу, обсадил ее ветлами и выстроил ограду³¹.

Осенью 1839 г. на Митрофаниевском кладбище заложили каменный трехпрядельный храм (при этом территорию увеличили вдвое). Вначале его хотели выстроить по образцу Митрофаниевского собора в Воронеже, но денег собрать не удалось, и был взят готовый проект К. А. Тона, по которому строилась церковь в Свеаборге, морской крепости под Гельсингфорсом (Хельсинки).

Через три года постройка была вчерне готова, но в августе 1842 г. неожиданно рухнули купола, за что наблюдавшего за строительством академика К. И. Реймера велено было «за неосторожное смотрение посадить на две недели на гауптвахту»³². Дальнейшее производство работ принял на себя опытный А. Адамини, после смерти которого дело завершал Ф. Руска. Ремонт и отделка церкви заняли еще пять лет, и в августе 1847 г. епископ Ревельский Иафанаил освятил пятикупольный храм во имя святого Митрофана Воронежского. Высокий пятиярусный иконостас и роспись сводов исполнили по эскизам академика Ф. Г. Солнцева, иконы написали известные академические живописцы П. М. Шамшин, К. Дузи, А. В. Нотбек, А. А. Васильев, К. А. Зеленцов.

В подвальном этаже новой церкви устроили склепы для богатых захоронений. В 1858 г. был освящен нижний придел во имя Святителей Московских. Здесь находились фамильные захоронения богатых купеческих семей Сытовых, Русаковых, Дурдиных, Петуховых, а также могилы генерала артиллерии, члена Адмиралтейств-совета Д. П. Примо и директора Публичной библиотеки историка, генерал-лейтенанта Н. К. Шильдера.

После освящения каменной церкви старую не разобрали. В 1859 г. ее основательно отремонтировали и вновь освятили, на этот раз под именем Спасской. Весной 1883 г. сильный пожар уничтожил эту деревянную постройку, но за лето епархиальный архитектор Г. И. Карпов восстановил храм, немного отступив от первоначального вида.

Третья кладбищенская церковь — Сошествия Святого Духа — напоминала большую надмогильную часовню. Ее возвел в 1885–1887 гг. на собственные средства известный благотворитель купец А. Л. Кекин над могилой сына, юного студента университета. В подвальном этаже у гробницы был устроен небольшой придел Семи Эфесских отроков. У ворот кладбища стояла часовня Александра Невского, неподалеку располагались дома церковного причта и небольшая богадельня для вдов и сирот духовного звания, построенная в 1864–1866 гг.

Митрофаниевское кладбище многократно расширялось: прирезки земли производились в 1835, 1838, 1848, 1860, 1865, 1871 и в другие годы. Во второй половине XIX в. ветки Балтийской и Варшавской железных дорог ограничили территорию с востока и запада. Тем не менее к началу XX в. Митрофаниевское кладбище стало одним из самых больших в Петербурге. В престольный праздник для поминовения сюда собиралось до ста тысяч человек.

Митрофаниевское никогда не считалось богатым и престижным среди петербургских некрополей. Хоронили здесь в основном небогатый люд — купцов, чиновников, мещан. Относительная дешевизна кладбища сделала его местом погребения многих петербургских актеров и литераторов среднего достатка. В бесплатных участках находили последний приют умершие в больницах, госпиталях, богадельнях, полицейских приемных домах. Неоднократно на кладбище происходило перераспределение разрядов, когда площадь дешевых и бесплатных увеличивали за счет более дорогих.

Богатые захоронения были сосредоточены главным образом вблизи Митрофаниевской церкви. Обращали на себя внимание: часовня над склепом адмирала В. М. Головнина и его сына — министра народного просвещения А. В. Головнина; семейное захоронение контр-адмирала В. И. Рыкова; могилы известного военного историка генерала Н. С. Голицына; генерала П. П. Липранди; члена Российской академии сенатора П. И. Сумарокова; директора департамента железных дорог Д. И. Журавского; всемирно известной пианистки М. Шимановской. Большим почитанием пользовалась могила странника А. М. Крайнева, вологодского крестьянина, носившего на себе пудовые вериги. Его похороны в декабре 1889 г. собрали двадцатитысячную толпу, которая провожала гроб от Успенской церкви на Сенной площади до самого кладбища³³.

Обширный участок в северо-восточной части некрополя занимало Финское лютеранское кладбище. Первое ходатайство о его открытии относится к 1835 г., когда пастор финской церкви святой Марии писал «о крайне затруднительном своем положении при погребении бедных финнов, ибо на кладбищах Смоленском, Волковском и Тентелевском требуется плата». Через десять лет финнам отвели для кладбища десять тысяч квадратных сажень по соседству с Митрофаниевским. Вскоре на финском кладбище (расширенном в 1858 г.) стали хоронить также прихожан шведской церкви святой Екатерины.

В 1849 г. попечитель латышской лютеранской церкви генерал-лейтенант Корф ходатайствовал об открытии отдельного латышского кладбища (латышский приход насчитывал в то время около трех с половиной тысяч человек). Однако министр внутренних дел распорядился хоронить латышей на финском кладбище³⁴.

После революции судьба Митрофаниевского кладбища долгое время была не определена. Первые годы здесь еще продолжались захоронения. Так, в 1922 г. здесь был похоронен известный математик, профессор Петербургского университета, академик А. А. Марков. Решение о немедленном закрытии Митрофаниевских кладбищ — православного и финского — относится к 1927 г. Через два года была закрыта и вскоре снесена Митрофаниевская церковь. Начался разгром некрополя.

В 1930-е гг. несколько исторических захоронений были перенесены в музейные некрополи. В Некрополь мастеров искусств перезахоронили актеров А. М. и Я. Г. Брянских, И. П. Киселевского, Е. С. Семенову. На Литераторские мостки — литераторов Л. А. Мея, А. А. Григорьева, А. К. Михайлова-Шеллера и М. И. Пыляева.

Старожилы помнят, что в 1950-е гг. на месте Митрофаниевского кладбища действовала самая большая в Ленинграде барахолка, но отдельные могилы еще сохранялись. Сейчас это место занято складами, гаражами и свалками. В последнее время появились проекты застройки территории бывшего кладбища.